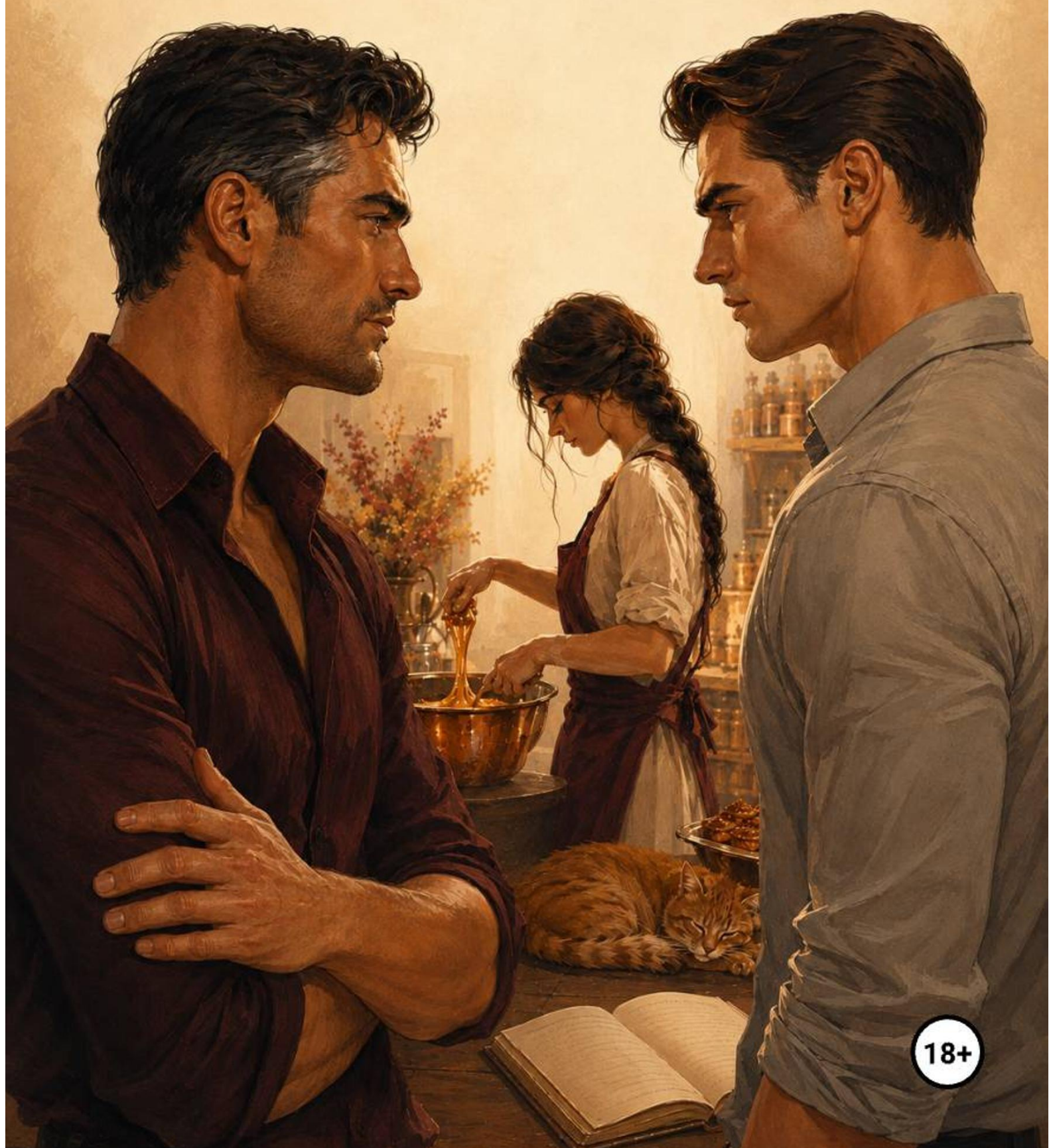

Дарья Светаева

Обоприись на меня

18+

Дарья Светаева

Обопрись на меня

«Автор»

2026

Светаева Д.

Обопрись на меня / Д. Светаева — «Автор», 2026

«Разведусь — уйдёт в том, в чём пришла», — смеётся мой муж за дверью кабинета. Шесть лет я была удобной женой: пекла по ночам, выдавала своё за чужое и подписывала не читая. Хватит. Я ушла с котом, бабушкиной тетрадью рецептов и восемью тысячами в кармане. И устроилась на кухню к Дмитрию Воронцову — тому самому ресторатору, что однажды на приёме единственный спросил, ела ли я сама. Он не спасает. Он ждёт. И это страшнее всего — потому что бояться я умею, а вот хотеть разучилась. Только у каждой золотой клетки, даже сплетённой из любви, есть дверца. Вопрос один: хватит ли мне смелости во второй раз выбрать саму себя? 18+. ХЭ гарантирую.

© Светаева Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Ася	5
Глава 2. Ася	9
Глава 3. Дмитрий	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Дарья Светаева

Обопрись на меня

Глава 1. Ася

— Руку, — говорит Игорь.

Я протягиваю запястье. Он достаёт из кармана бархатную коробочку — браслет, широкий, тяжёлый, с камнями. Третий за год.

— Игорь, у меня же есть...

— Этот лучше. — Он застёгивает замочек сам, аккуратно, почти нежно. Проводит большим пальцем по кромке браслета — там, где под золотом заканчиваются мои ожоги от карамели. — Вот. Теперь рука как рука. Моей жене есть чем гордиться, кроме шрамов.

Он улыбается мне в зеркало. Крупный, широкоплечий, из тех мужчин, что в сорок только матерюют: тяжёлый подбородок, седина на висках — благородная, будто нарочно уложенная, — и руки, которые никогда в жизни ничего не роняли. Рядом с ним я в зеркале маленькая, тёмно-русая, с косой, свёрнутой на затылке, и с этими вечными широкими браслетами на запястьях. Игорь любит повторять, что я «миниатюрная». Мама называла это иначе — «мелкая, в отца, а тот сбежал». Я где-то посередине.

Он правда доволен — я же вижу. В его мире это и есть «люблю»: увидел изъян — закрыл. Дорого закрыл.

— Спасибо, — говорю я зеркалу.

— Улыбайся сегодня. — Он поправляет мне бретельку так, будто закручивает вентиль. — Все должны видеть, что у меня всё лучшее.

Всё лучшее — это кейтеринг за восемьсот тысяч, квартет со скрипками и я. В платье цвета «шампань», которое выбрал он. Мне идёт вишнёвый, но вишнёвый, по словам Игоря, «для женщин, которые хотят внимания». А зачем мне внимание. У меня всё есть.

У меня правда всё есть. Мама, ты бы видела: сорок гостей, дом, муж не пьёт. *«Найди нормального мужа, Аська, чтобы не жить как я»* — я нашла, мам. Я справилась. Это моя мантра на сегодня — и на прошедшие шесть лет.

Весь день у меня дрожат руки. С руками так: они у меня дрожат перед гостями, перед звонками, перед Игоревым «нам надо поговорить». Не дрожат они в одном-единственном месте — над плитой. Сегодня в три ночи, над сотейником с карамелью, они у меня были спокойные, как у хирурга.

Кейтеринг привёз горячее, закуски, официантов и лебедей из фуа-гра. Десерты они тоже привезли — красивые, ровные, «картон с сиропом», как говорит Игорь. Их коробки так и стоят нераспакованными в гараже.

Потому что на столах — мои. Шестьдесят птифуров, испечённых этой ночью, пока Игорь спал. Гости запомнят именно сладкое — это мои слова, только я их никому не говорила. Скажу, что кейтеринг. Все довольны: гости хвалят «ресторанное», Игорь не морщится от слова «жена напекла», а я... я просто знаю, что это моё. Мне хватит. Шесть лет хватало.

— Асенька, солнышко! — Лариса Пална, жена его партнёра, ловит меня за локоть. — Ну как ты? Всё хорошеешь на домашних харчах? Смотри, какой браслетище! Вот же любит.

— Любит, — улыбаюсь я.

Улыбка у меня отработанная, номер люкс: тёплая, чуть виноватая. Виноватая — обязательно. Незанятая делом женщина должна быть немножко виновата — этому меня научил не Игорь даже. Этому меня научила я сама, году на втором. Так проще.

— А это что за прелесть? — Лариса Пална тычет шпатель в птифур на моём подносе.

— Солёная карамель на груше, — говорю я быстрее, чем успеваю прикусить язык. — Груша карамелизуется в сотейнике, потом...

— М-м-м! Откуда возили?

— Кейтеринг, — отвечаю я.

Мантра, Ася. У тебя всё есть. Разноси.

Я разворачиваюсь с подносом — и не замечаю ступеньку у террасы, потому что засматриваюсь на гостя, которого не знаю. Высокий, выше Игоря на полголовы. Тёмные волосы, коротко, с ранней сединой у висков — но не благородной, как у мужа, а какой-то усталой, заработанной. Смокинг сидит так, что ясно: этому человеку не жмёт нигде и никогда. А ещё у него руки не гостя — крупные, с коротко срезанными ногтями и белёсой полосой давнего ожога на тыльной стороне ладони. Такие руки я знаю. Такие руки бывают у тех, кто стоит у плиты, а не сидит за столом.

Каблук уезжает. Поднос кренится. Шестьдесят минус двенадцать птифуров начинают долгий торжественный полёт.

Ладонь. Одна — под поднос, вторая — под мой локоть. Жёстко, точно, без суеты. Как будто человек всю жизнь только и делал, что ловил падающих женщин с кондитеркой.

— Осторожно, — говорит он. — Было бы преступление.

— Уронить меня?

— Уронить это. — Он кивает на птифуры. И смотрит. Не в вырез платья — на мои руки. Долгую, неприличную секунду — на новый браслет, из-под которого выглядывает старый белый шрам. — Хотя вас, пожалуй, тоже.

Сердце делает глупость. Маленькую, размером с птифур.

Я — замужняя женщина. Я — счастливая замужняя женщина, у которой всё есть.

— Дмитрий Андреич! — Игорь уже рядом, рука хозяина ложится мне на поясницу, как печать на документ. — Вижу, познакомились? Моя жена.

— Не представилась, — говорит Дмитрий Андреич и берёт с подноса птифур. Так, будто это дегустация, а не светская вежливость.

Ест он молча. Две секунды. Три. У меня потеют ладони: соль на карамель я клала на глаз. Крупную, серую, каменную — какую бабушка держала в жестянке из-под леденцов и запрещала трогать «городской», мелкой.

— Соль, — говорит он наконец. Не мне — куда-то в поднос. — Кто вас научил класть её сверху, а не в массу?

— Бабушка, — отвечаю я раньше, чем понимаю, что призналась.

— Умная женщина. — Он поднимает глаза. — А вы весь вечер кормите сорок человек. Сами ели?

Я открываю рот. Закрываю. За шесть лет меня спрашивали, довольна ли я, счастлива ли я, «ну как ты, хорошеешь?». Ела ли я — не спрашивал никто.

— Она дома поест, — смеётся Игорь и притягивает меня за талию. — Асенька у нас домашняя фея. Побалуется на кухне — и счастлива, ей много не надо.

— Ваша жена не балуется, — говорит Дмитрий Андреич. Голос у него ровный, скучный почти, и от этого каждое слово весит килограмм. — Ваша жена профессионально работает с карамелью. Это разные вещи.

Пауза — крохотная, на полвдоха. Игорь всё ещё улыбается, но пальцы на моей талии сжимаются.

— Профессионально — это когда деньги платят, — легко говорит он. — А у моей жены, слава богу, нужды нет. Я её, Дмитрий Андреич, из общаги забрал, с третьего курса, от макарон по акции. Шесть лет — всё лучшее. Так что побаловаться — пожалуйста, а работать моей жене... — он щёлкает по моему браслету ногтем, — не для чего.

Он не унижает меня. Вот что самое страшное: он сейчас *хвастается*. Он искренне уверен, что рассказал историю любви.

— Понял вас, — говорит Дмитрий Андреич. И доедает птифур. До конца, неторопливо, глядя на меня, и надо бы отвести глаза, но я стою как дура с пустеющим подносом и горящими ушами.

— Спасибо за преступление, которого не случилось, — говорит он мне. И уходит с моим мужем.

Я выдыхаю. Оказывается, всё это время я дышала через раз.

Прекрати, Ася. Тебе тридцать восемь птифуров ещё разносить. И он гость твоего мужа. И ты дома поешь.

К одиннадцати гости доходят до кондиции анекдотов, Лариса Пална — до слёз в караоке. Я собираю с террасы бокалы (официанты соберут сами, но руки, руки надо чем-то занять) и иду с двумя стаканами виски к кабинету Игоря: он увёл туда Олега — «переговорить пять минут».

Дверь прикрыта неплотно. Тёплая полоска света на паркете.

— ...да не усложняй, — голос Олега, ленивый, с ледяным звоном стакана. — Переоформишь — и всё. А Аська твоя что?

Я останавливаюсь. Стаканы в руках очень холодные и очень тяжёлые.

Подслушивать нельзя. Подслушивать — это для женщин, которым не всё дали.

— А что Аська, — говорит Игорь, и я слышу его усмешку так ясно, будто вижу. — Аська — идеальный актив. Ноль запросов, ноль прав, ноль мозгов в документах. Всё чувствительное держу на ней: она даже не читает, что подписывает. Смотрит преданно и подписывает.

— А если что? Найдёт кого, взбрыкнёт — половину же отсудит.

— Кто? Она? — Игорь смеётся. Хороший, дорогой смех, восемьсот тысяч за вечер. — Олег, она без меня парковку оплатить не может. Я это не в упрёк — мне так удобно, я так люблю. Брачник у нас — сказка, всё «её» имущество — моё, оформлено до свадьбы. Разведусь — уйдёт в том, в чём пришла. Она даже не поймёт, как это произошло.

Пауза. Звон льда.

— Жёстко ты про жену.

— Почему жёстко? — В голосе Игоря искреннее удивление, и вот от него у меня внутри что-то рвётся тише и страшнее, чем от любых слов. — Я ей всё дал. Всё. Ты думаешь, забота — это цветочки нюхать? Забота — это когда человеку не о чем думать. Ей не о чем думать, Олег. Шесть лет. Ни одна баба в этом городе так не живёт.

Два мужских голоса, сытых и спокойных, за тёплой полоской света.

Я стою в коридоре своего огромного дома, в платье цвета, который мне не идёт, с чужим виски в руках. На запястье — браслет, которым сегодня закрыли мои шрамы. На кухне — сорок грязных форм после шестидесяти птифуров, которые «привёз кейтеринг». В ушах — «ел ли я сегодня», единственный вопрос за вечер, на который мне хотелось ответить.

Шесть лет я умела в этом доме одно: развернуться и тихо уйти, чтобы не мешать мужчинам разговаривать.

Я и разворачиваюсь.

Только сначала смотрю на свои руки — они не дрожат. Держат два стакана — и не дрожат, как над карамелью. Странно: внутри же разбилось — а осколков не слышно.

В чём пришла, значит.

И самое противное — тихий голос под рёбрами, очень честный и очень не вовремя: *а дверцу-то ты закрыла изнутри сама, Ася. Сама заявление подавала. Он не врёт — он правда всё дал, а ты всё взяла. Тебе нравилось, что клетка золотая. Нравилось не решать, не считать, не отвечать. Шесть лет нравилось.*

Ладно. С этим разберусь потом. Об это ещё успею разбиться.

Я пришла к тебе, Игорь, с бабушкиной тетрадкой рецептов и котом.

Я аккуратно ставлю оба стакана на консоль у двери. Ровно, без звука, донышко к донышку — как училась шесть лет ставить всё в этом доме.

Потом расстёгиваю браслет. Сама — замочек тугой, для вторых рук делан. Кладу рядом со стаканами.

И впервые за шесть лет думаю не «прости».

Думаю: *забрать тетрадь. Забрать кота. Посчитать, сколько стоит свобода в городе, где у меня нет даже своей банковской карты.*

За дверью смеются.

Смейся, Игорь. Досмеивайся.

Глава 2. Ася

Наполеон встречает меня у гардеробной — толстый, рыжий, с мордой оскорблённого римского императора, в честь которого и назван. Садится на мою левую туфлю и смотрит так, будто это я где-то шаталась до полуночи, а не он весь вечер спал на моих кашемировых свитерах.

— Тише, — шепчу я. — Тише, ваше величество. У нас с тобой дело.

Игорь ещё внизу, провожает последних. Через приоткрытое окно слышно, как хлопают дверцы машин, как Лариса Пална уверяет кого-то, что «сама доедет, сама», как смеётся мой муж — легко, сыто, победно. Я шесть лет была частью этой прекрасной жизни — той частью, что разносит птифуры и молчит.

Захожу в гардеробную, закрываю дверь.

Единственная комната в доме, которую я могу назвать своей, — и то потому, что сюда Игорю неинтересно заходить. Платья, туфли, полки. А в самом низу, за коробками с обувью, которую я ни разу не надела, стоит она. Обувная коробка из-под ботильонов, которые жали. Я держу в ней то, что нельзя объяснить словом «нужно».

Бабушкина тетрадь.

Дерматиновая обложка, углы обтрёпаны до картона, корешок держится на честном слове и полоске лейкопластыря, которую я подклеиваю раз в год. Внутри — сто сорок страниц бабушкиного почерка, круглого, наклонного, с ятями там, где ять давно отменили. «Медовик, как для Пал Палыча». «Наполеон настоящий, не магазинный срам». «Карамель солёная — соль КАМЕННАЯ, городскую не смей».

Я вожу пальцем по строчкам, как слепая. Знаю их наизусть. Мне не нужна тетрадь, чтобы печь. Она нужна мне, чтобы помнить: был человек, для которого я была не активом, а Асенькой. Просто так. Без повода.

— Что делаешь?

Я не слышала, как открылась дверь. Игорь на пороге, ослабляет галстук, лицо доброе. После удачных вечеров он добрый.

— Разбираю, — говорю я и закрываю коробку. Спокойно. Не резко — резко подозрительно.

— Опять эта твоя рухлядь. — Он усмехается, но беззлобно. — Асенька, ну сколько можно. Хочешь, я тебе на планшет забью нормальную книгу рецептов? От шефа? С картинками.

— Хочу, — говорю я. — Спасибо.

Правильный ответ. Он подходит, целует меня в макушку — по-хозяйски, как проверяют, на месте ли ключи.

— Кстати. — Он уже в дверях, полуобернувшись. — Там на комодѣ папка. Подпиши, где галочки, я утром заберу. Ничего интересного, по офису бумажки.

— Хорошо, — говорю я.

И вот тут — впервые за шесть лет — внутри меня что-то не говорит «хорошо».

Потому что я всё ещё слышу за тёплой полоской света: «она даже не читает, что подписывает». И «ноль мозгов в документах». И «уйдёт в том, в чём пришла».

Он уходит. Я слушаю его шаги по лестнице, воду в ванной, скрип кровати. Жду. Наполеон устраивается на коленях тёплым тяжёлым укором.

Когда в доме становится совсем тихо, беру с комода папку.

Раньше я бы подписала не глядя. Не из глупости — из усталости. Читать значит вникать, вникать значит спорить, а спорить я разучилась ещё на втором году. Проще подписать. Дешевле. Меньше болит.

Открываю папку.

Первая страница — ерунда, про поставщиков. Вторая — про машину. Третья.

Третью читаю дважды. Потом трижды. Буквы простые, я их все знаю, а вместе они не складываются во что-то, что могло бы существовать в моём доме.

«...доверенность... с правом продажи... на объект недвижимости по адресу...»

Бабушкин адрес.

Однокомнатная на Заречной, второй этаж, окна в тополя. Единственное, что у меня есть своего — по-настоящему, по бумагам, по крови. Бабушка завещала её мне, не маме — «Аське, только Аське, она одна тут человек». Я туда не езжу. Больно. Но я знаю: она есть. Где-то на другом конце города стоит комната, где меня любили просто так, и она моя.

Была моя.

Дата в углу — позавчерашняя. Значит, эту он мне ещё не подсунул. Значит, завтра утром, «где галочки», я бы подписала право продать бабушкину квартиру. Молча. Преданно. Не читая.

Руки у меня не дрожат.

Замечаю это отстранённо, будто смотрю на чужие. Они спокойны, как над сотейником. Закрываю папку. Кладу ровно, уголок к уголку, как лежала.

А потом сижу в темноте, с котом на коленях, и понимаю простую вещь, от которой не страшно, а холодно и ясно, как перед рассветом.

Он не злодей. Вот в чём весь ужас. Он не крал квартиру со зла — он просто не считает её моей. Не считает моими ни руки, ни птифуры, ни фамилию, ни бабушку. Всё, что попало в его дом, — его. Включая меня. И самое тошнотворно честное: шесть лет я жила ровно по этому правилу и ни разу не возразила.

Я сама отдала руль. Я сама молчала. Я сама подписывала.

— Наполеон, — говорю я коту. — Кажется, мы влипли.

Кот открывает один глаз.

— И кажется, — я глажу его между ушами, и голос у меня не дрожит, как руки, — мы отсюда уходим.

Тетрадь убираю обратно в коробку. Коробку ставлю у двери гардеробной. А доверенность на бабушкину квартиру складываю вчетверо и прячу в тетрадь, между «медовиком, как для Пал Палыча» и «не смей городскую соль».

Пусть завтра поищет.

Глава 3. Дмитрий

Я не помню, что ел на этом юбилее.

Горячее было прилично — телятина, кто-то расстарался. Вино из моего же поставщика, Верницкий не удержался похвастаться. Разговор про эквайринг, ради которого меня и позвали, я вёл на автопилоте и, кажется, согласился на то, на что соглашаться не собирался.

Потому что весь вечер думал про птифур.

Профессиональное искажение, знаю. Двадцать лет на кухне — и ты уже не человек в ресторане, а дегустатор поневоле. Заходишь в гости — считаешь соль. Целуешь женщину — ловишь, чем пахнет, и почти всегда это разочарование: от женщин пахнет тем, что им продали, а не тем, что они есть.

От жены Верницкого пахло жжёным сахаром. Под слоем дорогого и чужого — жжёный сахар, въевшийся в кожу так, что не смывается. Так пахнут руки, которые всю ночь стояли над карамелью.

Я знаю этот запах. Я сам им пах в шестнадцать.

Домой возвращаюсь за полночь. Квартира встречает тем особым звоном тишины, который бывает только в жилье одинокого мужчины, у которого всё в порядке. Порядок я наводить умею — научился рано, когда от него зависело, заберут Соньку или оставят. Соня говорит, что у меня дома «как в шоуруме, страшно чашку поставить». Соня давно не ставит у меня чашку. Раз в месяц звонит, бодро отчитывается, что всё хорошо, и вешает трубку раньше, чем я успею спросить по-настоящему.

Я вырастил её. И вырастил так, что теперь она звонит мне, как звонят надзирателю: коротко и с облегчением, когда кладут трубку.

Об этом стараюсь не думать.

Наливаю воды, стою у окна. Город внизу, огни, всё как всегда. И — жжёный сахар. Не отпускает.

Дело не в том, что она красивая. Красивых я видел столько, что перестал замечать. Дело в том, как она соврала.

«Кейтеринг», — сказала она про десерт, который явно готовила сама. Быстро, отработано, пряча — как прячут не стыдное, а *своё*. А она ведь сделала руками маленькое чудо на каменной соли — и отдала его чужому имени. Спрятала свой единственный настоящий талант, как я в шестнадцать прятал под улыбкой то, что дома беда.

Я знаю, как это называется. Человек, которого приучили, что его настоящее никому не нужно.

А потом муж при мне щёлкнул ногтем по её браслету и сказал «работать моей жене не для чего». И я увидел, как у неё на секунду погасли глаза. Она тут же улыбнулась — тренированная, виноватая. Но я увидел.

И вот что во мне поднялось — старое, тяжёлое, как противень с камнями. Желание вмешаться. Вытащить. Забрать этот чёртов поднос, снять с неё браслет, увести из дома с квартетом и посадить на нормальную кухню, где её руки будут делать то, для чего созданы.

Спасти.

Допиваю воду, ставлю стакан в раковину. Ровно. Донышком.

Дмитрий. Ты видел её один раз. Она замужем. То, что тебе хочется её спасти, — не про неё. Это всегда было не про них. Это про тебя.

Я знаю за собой эту болезнь. Меня из-за неё уже один раз называли человеком, «рядом с которым невозможно дышать». Я тогда не понял. Я же старался. Всё за неё решал, улаживал, предугадывал — а она задыхалась и ушла, и была права.

Так что нет. Никаких спасений. Чужая жена, чужая жизнь, чужая беда. Забудь про жжённый сахар.

Я иду спать и почти в это верю.

А утром звонит администратор из «Веранды» на Заречной и говорит, что вторая кондитерша уходит в декрет, цех оголяется перед сезоном, и не подскажу ли я, где срочно взять человека с руками.

С руками.

Я стою с телефоном у уха, смотрю в окно на город, где-то в котором сейчас просыпается женщина, пахнувшая жжённым сахаром, и очень медленно, очень отчётливо думаю одно слово.

Нет.

Я не буду её искать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.